

Хуа Маньлоу, что вы тут делаете?

Войдя внутрь, Лу Сяофэн едва не подумал, что ошибся дверью.

В Павильоне Ста Цветов, обычно тихом и безмятежном, сновали люди, туда-сюданосящие вещи, а на земле уже выстроилось множество ящиков.

Хуа Маньлоу как раз о чём-то разговаривал с приказчиком, когда Лу Сяофэн подошёл ближе.

Тот как раз отложил в сторону свиток с описью и сказал приказчикам:

— Сложите всё как следует и можете быть свободны.

Приказчик откликнулся и принялся за работу.

— Лу Сяофэн, — только теперь Хуа Маньлоу повернулся, чтобы поприветствовать друга.

Оглядев заставленный вещами пол, Лу Сяофэн с улыбкой произнёс:

— Хуа Маньлоу, ты что, собрался переезжать?

Хуа Маньлоу покачал головой:

— Это благодарственные дары, которые мой отец велел приготовить заранее.

Лу Сяофэн на мгновение замер:

— Благодарственные дары? Вы ведь уже отправляли их раньше, разве нет? А господин Данчи их не принял.

Тут он внезапно вспомнил историю с Янь Тешанем и уточнил:

— Ты из-за того инцидент с Янь Тешанем?

Хуа Маньлоу кивнул:

— Я не могу успокоиться.

Данчи был слишком своенравен и непредсказуем, и Хуа Маньлоу не осмеливался играть с этим

в игры.

Он поделился своими опасениями с Лу Сяофэном.

В прошлые годы его родные потратили бесчисленное множество сил, пытаясь исцелить его глаза, и за баснословные деньги нанимали прославленных лекарей. Глава Клана Хуа даже сделал громкое заявление: тому, кто сумеет вернуть Хуа Маньлоу зрение, он пообещает половину семейного состояния. И хотя об этом больше никто не вспоминал, поскольку не нашлось никого, кто мог бы излечить его недуг, Хуа Маньлоу не был уверен, как Данчи отреагирует, если узнает об этом.

После инцидента с Янь Тешанем и рассказа Лу Сяофэна о том, что творится в голове у Данчи, Хуа Маньлоу сразу же вспомнил об этом старом обещании семьи. Он вовсе не был уверен в том, как именно Данчи определяет меру долга и платы.

Поэтому, хотя в то время, когда его зрение только-только восстановилось, второй брат уже отправлял богатые дары, от которых тогда отказались, Хуа Маньлоу чувствовал, что должен съездить туда лично.

Каким бы ни был результат, он хотел поставить точку в этом деле.

Выслушав его, Лу Сяофэн потёрлошился только что пробивающиеся усики усов, окинул взглядом гору подарков и решил уважать решение друга.

— Если ты и впрямь так переживаешь, съезди туда — хоть душа на месте будет. Только, по моему мнению, господин Данчи страшно разозлится при виде этого, да и добрых слов от него не жди.

— Я уже морально к этому готов, — кивнул Хуа Маньлоу.

Это были лишь его собственные смутные тревоги, и он не знал наверняка, как Данчи отреагирует на столь избыточную заботу.

Именно поэтому он остановил отца, который, выслушав его опасения, собирался нанести визит лично, и решил отправиться в дорогу сам — он был готов даже к тому, что его ославят и высмеют.

Убедившись, что друг всё решил, Лу Сяофэн больше не стал отговаривать его. Внезапно вспомнив о чём-то, он вытащил из-за пазухи небольшой пузырек и швырнул его Хуа Маньлоу.

С улыбкой он сказал:

— По правде говоря, я считаю, что ты зря таскаешь все эти пожитки туда-сюда.

Хуа Маньлоу поймал флакон, ничего не понимая.

Это был белый фарфоровый сосуд размером с большой палец, изящной работы, с тонкими, едва заметными узорами.

— Что это? — спросил Хуа Маньлоу.

Лу Сяофэн потрепал усы:

— Сокровища Янь Тешаня.

На лице Хуа Маньлоу промелькнуло удивление, и он откупорил пробку.

Внутри обнаружился какой-то белый порошок. Поколебавшись секунду, он произнёс:

— Это... жемчужная пудра?

Он обмакнул палец, слегка растерев крупички между подушечками. Текстура оказалась нежной и шёлковистой — это действительно была растертая в пыль жемчужина.

Заткнув флакон обратно, он со смешком поддразнил Лу Сяофэна:

— Ты носила это с собой, чтобы мазать лицо?

К его удивлению, Лу Сяофэн рассмеялся в ответ:

— Верно. Тебе на лицо мазать.

— Потому что я вдруг понял, что твоя кожа недостаточно нежная.

— О? — Хуа Маньлоу озадаченно посмотрел на него.

Подперев подбородок, Лу Сяофэн лукаво протянул:

— Иначе почему это ласточка предпочла старика вроде Хо Сю, вместо того чтобы полюбить такого смазливового молодого господина, как ты!

Услышав это, Хуа Маньлоу на мгновение умолк, а затем с лёгкой улыбкой покачал головой:

— Пожалуй, ей просто не нравится моё амплуа.

Пошутив немного, оба прекрасно понимали, что всё это пустые слова.

Просто Шангуань Фэйянь не могла извлечь из него никакой значимой выгоды, а потому, естественно, перестала тратить на него время и силы.

Впрочем, у Хуа Маньлоу всё равно не было никаких близких друзей, над которыми можно было бы так подшучивать.

Поэтому Лу Сяофэн продолжил со смешком:

— Увидь Шангуань Фэйянь все эти сокровища, что заполнили твой павильон, она бы наверняка горько пожалела, что так легко от тебя отказалась.

Если бы она вышла за тебя замуж, то завладела бы всем этим богатством. Только сейчас я по-настоящему осознал, что ты не просто молодой господин из богатой семьи, ты действительно баснословно дорог. В следующий раз, когда мне понадобятся деньги, я просто похищу тебя и потребую с Клана Хуа выкуп.

Хуа Маньлоу рассмешился от его слов:

— Можешь даже не похищать меня — если тебе понадобятся деньги, я и так тебе дам.

С этими словами он поднял пузырек и шутливо добавил:

— По крайней мере, чтобы тебе хватило купить эту штуку для лица.

Услышав это, Лу Сяофэн вдруг странно улыбнулся.

Заметив это выражение лица, Хуа Маньлоу удивился:

— В чём дело?

Лу Сяофэн, словно вспомнив нечто забавное, покачал головой, и на его лице застыл крайне причудливый вид. Он спросил Хуа Маньлоу:

— А ты знаешь, сколько серебра стоит этот пузырек жемчужной пудры?

Хуа Маньлоу замер, опустил взгляд на сосуд в своей руке и нерешительно произнёс:

— Очень дорого?

Он снова посмотрел на палец, которым касался порошка, чуть потер подушечки и снова замялся:

— Кажется... её качество намного превосходит обычное.

Он вопросительно посмотрел на Лу Сяофэна.

Лу Сяофэн снова рассмеялся, и на этот раз Хуа Маньлоу уже не мог понять, что означает этот смех.

Внезапно Лу Сяофэн задал ему вопрос:

— Скажи, знаешь ли ты, чем занимаются люди из Усадьбы Десяти Тысяч Слив по ночам в последние дни?

Пока он говорил, выражение его лица было невероятно странным: в нём смешивались веселье, беспомощность и даже толика гнева.

Хуа Маньлоу предположил:

— Уж точно не спят.

Лицо Лу Сяофэна стало ещё более загадочным, и он кивнул:

— Верно. Каждый из них вооружен щеткой, лопатой, метлой и подносом.

Хуа Маньлоу окончательно потерял нить разговора и продолжил наугад:

— Убирают мусор?

Выражение лица Лу Сяофэна вновь приняло прежний комичный вид.

— В последние дни стояли ясные ночи с редкими звёздами — прекрасная погода, когда пить вино на крыше доставляет величайшее удовольствие.

— Но в один из прошлых дней небо было затянуто тучами.

Хуа Маньлоу припомнил это и кивнул:

— Верно.

— Так вот, — продолжил Лу Сяофэн, — хотя везде было темно хоть глаз выколи, Усадьба Десяти Тысяч Слив сияла так ярко, как никогда прежде.

Хуа Маньлоу:

— Мм?

Лу Сяофэн вдруг с досадой в голосе произнёс:

— Потому что кто-то преподнес Усадьбе Десяти Тысяч Слив луну в подарок, да в придачу рассыпал вокруг бесчисленные звёзды. При таком свете там просто невозможно было погрузиться во тьму.

Хуа Маньлоу помолчал немного, а затем внезапно спросил:

— Так это и есть то самое знамение, о котором все сейчас говорят?

На днях над той стороной, где располагалась Усадьба Десяти Тысяч Слив, ночью внезапно вспыхнул ослепительный свет. Его видели жители в радиусе нескольких десятков ли — там стало светло как днём.

Вскоре по рыночным площадям поползли слухи, будто там явилось на свет некое чудесное сокровище.

Другие же с пеной у рта доказывали, будто после поединка с Дугу Ихе глава усадьбы Симень постиг истинную суть Пути Меча, а затем, уйдя в затворничество, достиг в нём совершенства и совершил Прорыв Пустоты, обрета бессмертие.

Нашлись и такие, кто клялся всеми святыми, что луна упала прямо на гору, где стояла Усадьба Десяти Тысяч Слив — они якобы видели это своими глазами. По их словам, этот спутник Земли срубил своей ци меча сам Симень Чуйсюэ, после чего с жестоким упорством продолжил рубить дальше, пока от луны вовсе ничего не осталось.

Использовать луну для тренировки владения мечом — это просто безумие.

Однако поскольку на следующий день луна взошла как обычно, этот вздорный слух сам собой канул в Лету.

Тем не менее, в ту ночь в Усадьбе Десяти Тысяч Слив действительно наблюдалось странное небесное явление, и многие своими глазами видели его.

Вот только все обитатели усадьбы хранили молчание как партизаны, добиться от них хоть слова было невозможно, из-за чего в народе ходили самые разные толвы, не приведшие к единому выводу.

— Так какова же правда?

Видя, как странно ведёт себя Лу Сяофэн, Хуа Маньлоу тоже заинтересовался.

Он знал, что раз Лу Сяофэн делает столь безумные лица, значит, дело тут вовсе не рядовое.

И действительно, Лу Сяофэн словно бы вспомнил что-то смешное, уголки его губ дернулись, и он произнёс:

— В ту ночь в Усадьбе Десяти Тысяч Слив и впрямь появилась огромная луна и множество звёзд.

Помолчав, он добавил:

— Помнишь жемчуг, который я собирал?

Хуа Маньлоу кивнул:

— Конечно, помню.

— Теперь жемчужины высшего качества ценятся на вес золота, их днём с огнём не сыщешь.

Он вздохнул, пояснив:

— Не так давно некто скупил огромное количество жемчуга на торговых рядах. Всё лучшее, что удавалось отыскать, было скуплено подчистую, из-за чего цены подскочили в десять с лишним раз, и теперь их не сыскать и за десять тысяч золотых.

Закончив говорить, Хуа Маньлоу на мгновение замер, затем до него дошло, и он удивленно уставился на Лу Сяофэна:

— Ты хочешь сказать...

Лу Сяофэн кивнул:

— Именно. Те самые звёзды — это и есть собранный мной жемчуг.

Хуа Маньлоу посмотрел на пузырёк в своей руке и долго хранил молчание.

Наконец-то он понял, почему тот назвал это сокровищами Янь Тешаня.

Спустя некоторое время он взглянул на Лу Сяофэна и спросил:

— Ты сердишься?

— Разве я не должен сердиться?! Нашелся тут кто-то, кто тратит деньги еще щедрее меня! — Лу Сяофэн упер руки в бока. — Я-то думал, что я еще тот негодяй, но кто-то оказался куда более сумасбродным!

— Этот человек извел себя до такого жалкого состояния только ради того, чтобы поселиться в Усадьбе Десяти Тысяч Слив!

— А потом эти жемчужины, за которыми все так охотились и над добычей которых ломали головы, в конце концов были стерты в порошок и отданы людям мазать лица!

Хуа Маньлоу тоже умолк.

Подумав о чём-то, он снова спросил:

— А... та луна?

Лу Сяофэн погладил усы:

— Хоть я и не знаю, что это было, но я уверен: даже самый лучший жемчуг не даст такого ошеломляющего косметического эффекта.

Тут он вспомнил еще кое-что:

— Знаешь ли ты! Когда я увидел управляющего Фу, я едва его не узнал!

— Его старое лицо теперь выглядит моложе моего.

— Так вот почему все в Усадьбе Десяти Тысяч Слив занимаются тем, что подметают это всё? — Хуа Маньлоу уже не знал, что и сказать, проводя параллель с жемчужной пудрой в своей руке.

— Но почему ночью... — он запнулся на полуслове. — Неужели глава усадьбы Симень не принял все эти вещи?

Лу Сяофэн развел руками:

— Если бы он согласился их взять, обитателям усадьбы не пришлось бы шарить по ночам и собирать всё тайком. Этот-то пузырьрёк я с большим трудом урвал.

— Симень взмахнул мечом, мало того что ничего не принял, так еще и выгнал этого наглеца прочь.

— Я специально принёс тебе один пузырьрёк, ручаюсь, эффекта лучше ты отродясь не видел.

Он посмотрел на Хуа Маньлоу с торжествующей улыбкой.

Хуа Маньлоу глянул на него в ответ и вдруг произнёс:

— Судя по всему, выгнали не только его одного.

Лу Сяофэн усмехнулся.

Хуа Маньлоу тоже улыбнулся:

— Помню, ты говорил, что Усадьба Десяти Тысяч Слив не принимает гостей после наступления темноты, однако сам ты заваливаешься туда именно по ночам.

Лу Сяофэн рассмеялся в ответ:

— Я ведь являюсь туда не днём исключительно потому, что днём меня просто не пускают внутрь.

Из-за прошлой истории Симень теперь даже его самого отказывался пускать в Усадьбу Десяти Тысяч Слив.

Переглянувшись, оба рассмеялись.

Закончив смеяться, Лу Сяофэн перевел взгляд на ящики на полу.

Там тоже лежали драгоценности, нефрит, антиквариат, картины и документы на право владения недвижимостью.

Он покачал головой и пожал плечами, обращаясь к Хуа Маньлоу:

— Так что можешь не отправлять эти вещи.

— Ручаюсь, он даже не взглянет на них. А то и вовсе сожжет ради забавы, чтобы погреться у огня.

Хуа Маньлоу молчал.

Помедлив немного, он покачал головой, всё же оставаясь при своем мнении:

— Раз уж эти дары предназначаются в подарок, то как с ними поступить — его воля, пусть делает то, что ему по душе.

Лу Сяофэн посмотрел на него и неожиданно вздохнул:

— Хуа Маньлоу, тебе вовсе не обязательно так стараться.

Хуа Маньлоу коснулся собственных глаз, и на его лице проступило редкое для него выражение серьезности:

— Лу Сяофэн, я признаю, что этот человек действует искусно, но он слишком своенравен и непостоянен в гнев и милости, меня это тревожит.

Он посмотрел на Лу Сяофэна:

— К тому же я боюсь: если я не съезжу туда лично, то в один прекрасный день рискую обнаружить мёртвого феникса.

Лу Сяофэн на миг замер, а затем громко расхохотался:

— Ха-ха, меня не так-то просто уморить!

— Ладно, раз уж тебе непременно нужно съездить, так поезжай! В конце концов, не станет же он бить гостя, пришедшего с подарками.

— Только тебе не стоит отправляться туда прямо сейчас: когда бы ты ни приехал, ему сейчас некогда с тобой возиться.

Хуа Маньлоу вопросительно поднял брови.

Лу Сяофэн лукаво усмехнулся:

— Он сейчас очень занят.

В горах по ночам стояла прохлада, и густые клубы тумана стелились по земле.

На краю небосклона брезжил тонкий луч света, который медленно ширился.

Солнце выпрыгнуло из-за линии горизонта, возвещая начало нового дня.

Небо ещё не успело полностью посветлеть, а в усадьбе уже раздавались тихие, суетливые звуки.

А прямо за воротами неподвижно застыла человеческая фигура.

Утренний туман окутывал его с головы до ног, создавая впечатление, будто этот человек простоял здесь уже очень давно — он замер в абсолютной тишине, не издавая ни звука.

Лишь когда солнце окончательно выкатилось на небосвод, человек неожиданно ожил и бросился к воротам.

Он принялся яростно колотить в них кулаками.

— Чуйсюэ, я был не прав!

— Я больше никогда не стану притворяться больным!

— Пусти меня внутрь!

— ...

Его голос звучал с неимоверным раскаянием, а вид был до слёз жалостливым.

Данчи сбоку от дверей начинал ждать еще до рассвета, вычисляя время пробуждения своего партнера по даосскому пути, и тут же принимался барабанить в створки, со слезами на глазах каясь и принося извинения в надежде вновь переступить порог.

Колотя в дверь, он чувствовал себя обиженным.

С каких это пор вещи смертных перестали оставлять на нём хоть какой-то след? Ему оставалось лишь отчаян из-за этого!

Из-за подобных мелочей он упускал столько радостей, доступных любящим сердцам!

Ему непременно нужно было как можно скорее вернуть своего партнера по даосскому пути!

— Чуйсюэ, не сердись больше.

Данчи продолжал виновато и жалко каяться:

— Пусти меня вовнутрь!

Долгое время стук не прекращался, пока тяжелые створки наконец не приоткрылись на узкую щель.

В тот же миг кто-то стремительно выскользнул наружу, и массивные двери тут же захлопнулись, преграждая путь тому, кто пытался протиснуться следом.

Перед гостем стоял седовласый старик с румянцем во всю щеку, гладкой, ухоженной кожей без единой морщинки, в которой невозможно было разглядеть признаки старости.

Это был старец с волосами цвета седого луны и детским лицом.

Но едва завидев его, Данчи мгновенно сбросил с лица всякое выражение, превратившись в безжизненную маску.

Думал, сменил личину, и я тебя не узнаю?!

Чертов вредитель, вечно мешающий ему увидаться с партнёром по даосскому пути!

Управляющий Фу неизменно добродушно улыбался, демонстрируя к нему невиданную доселе мягкость.

С улыбкой он произнес:

— Глава усадьбы изволил отдать приказ: больше не впускать тебя внутрь. Так что даже если ты в щепки разнесешь эти ворота, мы встанем здесь живым заслоном, но не пустим.

Лицо Данчи тут же помрачнело, и он злобно уставился на него.

Управляющий Фу улыбнулся про себя, ни слова не говоря в ответ, и бросил взгляд на массивные ворота за своей спиной.

В алых тяжелых створах красовалось несколько рядов глубоких вмятин от ладоней, вид которых внушал суеверный ужас.

Лицо Данчи мгновенно скисло. Он перевёл взгляд сквозь щель в воротах на своего партнера по даосскому пути, приняв крайне жалкий вид.

Неужели партнёр по даосскому пути и впрямь разозлился? Почему он уже столько дней не показывается ему на глаза?

— Глава усадьбы собирается уйти в затворничество, — в этот момент неожиданно произнёс управляющий Фу.

Данчи странно покосился на него, подумав, что этот старик в последнее время ведёт себя подозрительно — до тошноты услужливо.

Заметив этот взгляд, управляющий Фу неожиданно густо покраснел, потёр щеку и, кашлянув, принял суровый вид:

— Глава усадьбы действительно уходит в закрытую медитацию. Каменная палата построена из особых материалов, так что как бы громко ты ни орал снаружи, внутри всё равно ничего не услышат.

Данчи презрительно фыркнул: разве он не может использовать передачу звука духовным сознанием?!

— Так что нечего тебе околачиваться здесь без дела.

Тут управляющий Фу стремительно выпалил последние слова и молниеносно шмыгнул обратно за створки — так быстро, что Данчи даже опомниться не успел, как тот уже скрылся внутри.

Хлоп! Раздался оглушительный грохот.

Управляющий Фу глянул на паутину трещин, мгновенно побежавшую по дереву ворот, и его уголок рта нервно дёрнулся.

Какая это уже по счёту дверь, мысленно вздохнув, подумал он.

— А-Цай, замени-ка ворота на новые, — небрежно бросил управляющий Фу стоящему рядом слуге.

— Опять сломали! — привычно отозвался привратник.

Управляющий Фу кивнул и, заложив руки за спину, с добродушной улыбкой зашагал обратно.

Небо ещё не просветлело, но на территории усадьбы вовсю кипела работа.

Лица людей пылали здоровьем, от них исходил заряд бодрости, а в руках они держали кисти, скребки и метлы, очищая деревья и крыши от чего-то невидимого.

— Управляющий Фу, этот ушёл?

Едва завидев возвращающегося управляющего Фу, кто-то тут же завёл с ним разговор.

Управляющий Фу кивнул:

— Ушёл.

В этот момент кто-то из тех, кто возился неподалеку среди цветочных клумб, таинственным полущёпотом поинтересовался:

— Управляющий Фу, как вы думаете, есть ли шанс, что наш глава усадьбы и он...

Не успел тот договорить, как управляющий Фу резко вскинул взгляд, и его глаза на мгновение сверкнули опасным блеском.

Он рявкнул:

— Разве дело господ обсуждать вам, слугам?

Человек тут же осознал, что сболтнул лишнего, и испуганно вжался в плечи под строгим взглядом управляющего Фу.

А управляющий Фу тем временем круто развернулся к остальным работникам и рывкнул:

— Шевелитесь быстрее! Глава усадьбы скоро выходит, если он застанет вас за этим, я вас не прикрою!

С этими словами он снова заложил руки за спину и зашагал дальше.

Его сутуловатая, но прямая спина смотрелась внушительно.

Садовник, только что получивший нагоняй, озадаченно почесал в затылке, недоумённо глядя вслед удаляющемуся управляющему.

Шагая вперед, управляющий Фу мысленно качал головой, полагая, что нынешняя прислуга вовсе не отличается сообразительностью.

Все выгоды уже получены на руки, а они до сих пор не могут ясно оценить обстановку.

С каких это пор глава усадьбы позволял кому-либо вести себя столь вольготно у него на глазах?

Мысленно вздохнув, он понял: в конце концов, всё снова придется брать в свои руки!

Украдкой выпятив грудь колесом, он покачиваясь направился во внутренний двор.

Позади же толпа слуг, продолжая возиться с видом заправских воришек, вполголоса обменивалась впечатлениями:

— Моя кожа стала такой гладкой!

— Цвет моего лица ещё никогда не был таким здоровым.

— Я завариваю этот порошок и пью, и теперь по ночам меня больше не бросает в пот от кошмаров.

— Видали? Управляющий Фу в последние дни всё время в отличном настроении, все старые морщины на лице разгладились.

— Я только что оплошал, а он даже наказывать меня не стал.

Остальные садовники переглянулись и согласно закивали:

— Похоже на то, настроение у него и вправду отменное.

— Быстрее, собирайте побольше!

Низко склонив головы, они аккуратно сметали россыпи однородного белого порошка, который словно поблёскивал заманчивым сиянием.

<http://bllate.org/book/22050/2292944>